

АЛЕКСАНДР РУДНЕВ

“ПИСАТЕЛЬ БЕССТРАШНОЙ ИСКРЕННОСТИ!”

Так назвал когда-то в своём известном мемуарном портрете Леонида Андреева А. М. Горький, которого связывала с Андреевым довольно драматическая “дружба–вражда”.

Писатель, пользовавшийся огромной славой и популярностью при жизни, получавший самые большие по тому времени гонорары, из-за которого “дрались” издатели, театральные режиссёры и антрепренёры, потом, после своей смерти был обречён на долгие десятилетия почти полного забвения, о его творчестве обычно шла речь лишь как о печальном прецеденте падения большого таланта под тлетворным влиянием декаданса и, самое главное, непростительных политических заблуждений.

Теперь на протяжении уже более чем четверти века Леонид Андреев считается признанным классиком. Исследованием творчества Леонида Андреева занимаются многие авторитетные отечественные и зарубежные учёные, такие, как, например, Ричард Дэвис, директор литературного архива английского города Лидса, в ИМЛИ совместно с ИРЛИ (Пушкинский Дом) готовится и издаётся Полное академическое собрание сочинений Л. Андреева в 24-х томах, где должно быть опубликовано решительно всё, написанное его рукой – вплоть до начатых и брошенных на половине тетрадного листа юношеских рассказов и набросков или кратких записок бытового или делового характера. Вышли в свет многочисленные мемуарные книги и материалы о писателе. В самом начале XXI века Андреев стал востребован и как драматург, причём театры пристально интересуются не только его пьесами, но и прозой. Однако предназначенной для массового читателя биографии Леонида Андреева всё же не было, если не считать не вполне отвечающей требованиям и рамкам жанра книги Л. Н. Кен и Л. Э. Рогова “Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками” (СПб, 2010).

И вот теперь, в прошлом году, наконец, появилась долгожданная биография крупнейшего художника в молодогвардейской серии “ЖЗЛ”, написанная театроведом, писательницей из Санкт-Петербурга Натальей Степановной Скороход.

Автор уже на первых страницах подчёркивает, что с личностью, биографией и творчеством Л. Андреева связано очень много отнюдь не риторических вопросов. “Почему, – пишет она, – мистик и фантаст жаждал похвалы Толстого и дружбы с Горьким? Почему воспитанный народниками, сочувствовавший эсерам – внезапно стал патриотом и “государственником”? Почему,

фактически участвуя в первой и приняв вторую русскую революцию, с первого взгляда возненавидел Ленина и большевиков? Почему первый красавец и беллетрист постоянно мучился от любовных неудач? Почему, потеряв горячо любимую жену, в год траура делал предложения руки и сердца практически каждой встречной молоденькой женщине? <...> Почему, всю жизнь невыносимо страдая от разнообразных недугов, он ни дня не провёл в постели? Почему, не будучи больным, умер от инфаркта в 48 лет? Почему – беспробудный пьяница и нищий студент-дебошир – в три года сделался богатым и знаменитым? Отчего пил, и пил – запоем? Отчего, не переставая любить Бога и связывая с ним единственную правду жизни, все сознательные годы прожил атеистом?” (с. 7). На все эти во многом, быть может, по выражению А. А. Блока в его статье “Памяти Леонида Андреева” (1920), “детские” вопросы по поводу биографии Андреева, неразрывно, конечно, связанной с писательством, литературным окружением и культурно-историческим фоном эпохи, вопросы о самых “больных” его противоречиях попыталась ответить в своей книге Н. Скороход, и надо признать, что, несмотря на многие издержки, ей это в значительной мере удалось. Книга читается как увлекательный роман, в то же время наполнена огромным массивом документальных материалов и свидетельств, поданных отнюдь не “замшелым”, а, напротив, очень оригинальным и, мы бы сказали, “свежим” образом. Писатель, умерший 95 лет тому назад, порождённый своим временем и всецело принадлежавший ему, предстаёт в этой книге живым и тёплым. Но вместе с тем очень жаль, что остались в тени работы о жизни и творчестве Леонида Андреева, принадлежащие первому поколению “племени андреевцев” 1950–1960-х годов (В. Н. Чуваков, Л. Н. Афонин, В. И. Беззубов): если они и фигурируют в книге Скороход, то как-то пренебрежительно и с некоторой долей снисходительности. Они определёнno этого не заслуживают.

Но всё-таки как же получилось, что страдавший тяжёлой алкогольной наследственностью, всю жизнь беспробудно пьянствовавший и метавшийся в тяжелейших душевных муках и борьбе изрядно самовлюблённый орловский гимназист-красавец, происходивший из простоватой, малокультурной провинциальной семьи отца-землемера и полуграмотной матушки-“поповны”, которую он, кстати заметим, всю жизнь очень любил и был с нею очень близок, а затем московский студент-юрист, журналист и репортёр московских газет на рубеже веков, по мнению хорошо знавшего его тоже орловца И. А. Бунина, до конца жизни не вышедший из провинциализма, – смог написать, условно говоря, 24 тома и стать писателем мирового класса? Кстати, по поводу орловского провинциализма, неизжитого Андреевым до конца жизни, писали в своих мемуарах и другие современники Андреева, его знакомые – К. И. Чуковский, В. В. Вересаев, Б. К. Зайцев, Г. И. Чулков и многие другие. Причины этого, показывает автор, коренятся и в необыкновенной, с самых юных лет начитанности Л. Андреева, хотя по степени культуры и образованности он уступал многим писателям Серебряного века, в особенности представителям символизма, в его большом природном уме, остром чувстве юмора, которое, невзирая на весь мрачный и трагический колорит большинства его произведений (того, что Л. Н. Толстой определил знаменитой фразой: “Он пугает, а мне не страшно”), иногда причудливым образом, но явственно давало о себе знать. Наконец, в том, что это был неутомимый труженик, работавший денно и нощно, проживший очень тяжёлую жизнь, хотя, казалось бы, добившийся признания, успеха и достатка. Всё это описано автором, с нашей точки зрения, достаточно убедительно.

Повествование о жизни Л. Андреева, не столь богатой внешними событиями, но более всего интересной его внутренними переживаниями, ведётся автором вкуче с разговором о его творчестве от ранних рассказов “Баргамот и Гараська”, “Петька на даче”, “Первый гонорар”, сразу же принесших ему известность, до “Красного смеха”, “Христиан”, “Иуды Искариота”, “Елеазара”, “Рассказа о семи повешенных”, “Жизни Человека” и до произведений последних лет – пьес “Милые призраки” (в которой Андреев обратился к несвойственной ему историко-литературной теме о молодом Достоевском и его окружении), “Собачий вальс”, рассказов “Жертва”, “Полёт” неоконченного романа “Дневник Сатаны”.

Интересно интерпретируется автором очень важная для Андреева тема суда в разных его произведениях, в частности, в рассказе “Христиане” (1905),

где Андреев показывает реальную действительность со всеми её ужасами и противоречиями, “врывающимися” как бы в зал судебного заседания и безжалостно обнажавшими “жалкую театральность” “судебных драм”. Но тут нерелигиозный Андреев позволяет себе кощунствовать над православным церковным обрядом, и это достигает наибольшей выразительности в словах проститутки дающей показания наряду с другими свидетелями: “Нет у меня ни стыда, ни совести: прикажете голой раздеться – разденусь; прикажете на крест наплевать – наплюю”.

Точно так же, как сын трактирщика, 24-летний анархист Савва Тропинин из пьесы “Савва” (1906), которой любивший щеголять латынью юрист Андреев дал второе заглавие “Ignis Sanat” – “Огонь исцеляет”, собирается взорвать во время церковного праздника чудотворную икону, чтобы все увидели, что лик Спасителя – не что иное, как обыкновенная раскрашенная доска. Богоборческие мотивы, как известно, есть и в других произведениях Л. Андреева. Пожалуй, законченный образец этого – повесть “Жизнь Василия Фивейского” (1904). И здесь он во многом шёл вслед за Л. Н. Толстым, что давно было отмечено исследователями. То же самое, собственно говоря, мы видим и в двух рассмотренных автором произведениях: для Андреева официальная церковная обрядность не есть ещё доказательство бытия Бога, и в ней он не находит подлинной божественного начала. Таковы и его самые разные, лишённые внутренней цельности герои. В этом смысле исключение составляет разве что один из ранних рассказов – “Праздник” (1900), – в котором герой, гимназист Качерин, под влиянием пасхального богослужения испытывает духовный подъём и внутреннее возрождение. То же представляется возможным в известной мере сказать и о сцене пасхальной заутрени в рассказе “В Сабурове” (1899). Но таких традиционных в плане изображения православной обрядности вещей у Андреева совсем немного. Они не типичны для него.

В период Первой мировой войны в публицистических статьях, печатавшихся в газете “Биржевые ведомости” и журнале “Отечество” (а в 1915 году изданных отдельной книжкой под заглавием “В сей грозный час”), Л. Андреев парадоксальным образом предвосхитил большевистскую политику, призывая к разрушению церкви. Это выглядит, разумеется, очень странным заблуждением пусть и равнодушного к религии, но честного, конечно же, писателя, бывшего, самое главное, искренним патриотом, во время войны выступавшим как убеждённый государственник. Он, конечно, страдал при виде “больной России”, по выражению другого “государственника”, его современника Д. С. Мережковского, России, которая “в жару, в температуре”, дико металась “на своём кроваво-красном ложе” (статья “Вопрос”, 1917). А в другой статье под заглавием “Гибель” (апрель 1917) есть пассаж, который может быть воспринят как крик отчаяния писателя, публициста и гражданина при виде раздираемой неразрешимыми противоречиями, погибающей от безвластия страны, от которой начали отворачиваться даже ближайšie соседи: Финляндия, Украина, “пожелавшая автономии”, и даже “странно смотрящая Сибирь”: “<...> Кому ещё так ненавистна Россия, что ни одной минуты не хотят быть вместе, требуют развода – от умирающей? Идите и бейте, рвите на клочья немощную дуру, тащите ключи из-под подушки, тащите всё, что можно. Возвеселитесь, мародёры, обиратели трупов, скупщики краденого, революционные ханжи и двоеперстники!

Чего её жалеть, если она сама себя не жалеет! Чего её хранить и навязывать ей какое-то спасение, когда она сама себя не хранит и слепо лезет в могилу, сама себе на тысячу голосов поёт отходную!” (“Русская воля”, 1917, № 89, утренний выпуск, 30 апреля). Эта статья и, в частности, этот очень выразительный в данном контексте пассаж, к сожалению, остались за пределами внимания Н. Скороход. А по выходе в свет знаменитой повести “Иуда Искариот” (1907), где Иисус Христос показан инфантильным, капризным и психически неустойчивым человеком, а Иуда, напротив, – честным и мужественным, в критике писали, что Л. Андреев пытался набросить тень на одну из самых светлых легенд человечества. Однако сейчас, в современную эпоху, пресыщенную всякого рода вновь “воскрешёнными” литературными явлениями, “Иуда Искариот” Л. Андреева оказался, быть может, как это ни парадоксально, одним из самых популярных и востребованных произведений писателя.

Мы находим очень существенным и полезным, что автор, помимо художественного творчества, подвергает довольно детально рассмотрению

и публицистику Л. Андреева, прежде всего, периода 1917–1919 годов. Его многочисленные политические статьи, фельетоны, литературно-критические рецензии, выходившие на страницах банковской газеты “Русская воля”, фактическим редактором которой был писатель, и в особенности известную статью-памфлет “S. O. S” – “Спасите наши души”, в которой иступлённо призывал страны Антанты во время предполагавшейся конференции мировых держав на Принцевых островах, не входить ни в какой альянс с большевиками. Их он уподобляет “грязным и тупым скотам”, “здоровенному мерзавцу, насилующему на глазах у матери её несовершеннолетнюю дочь” и т. д.

Об обстоятельствах последних двух лет жизни Л. Андреева, скоропостижно скончавшегося 12 сентября 1919 года, когда писатель с семьёй, сильно нуждаясь и голодая (и это после “роскошной” жизни на знаменитой вилле “Аванс” на Чёрной речке, когда Андреев, по словам А. М. Горького, “самый знаменитый писатель Европы и Америки”, был на вершине славы и богатства), оказался как бы в вынужденной эмиграции, хотя эта эмиграция находилась в 40 верстах от Петрограда, в бывшей дачной местности, ставшей территорией Финляндии, рассказано с привлечением малоизвестных широкому читателю мемуарных и эпистолярных материалов.

В заключение Н. Скороход, желая ещё раз сформулировать во многом уникальное положение Л. Андреева в истории русской культуры (не только в том смысле, что он был одновременно писателем-реалистом и модернистом), приходит к небесспорному утверждению, что другие блестящие литературные деятели русского Серебряного века пользуются всё же избирательным признанием и любовью современных читателей, а Леонид Андреев, в отличие от них, – писатель “для всех”, ибо он наиболее характерный и “автор, и герой своего времени”.

В своём творчестве он представил, по мнению автора, ту важнейшую веху в истории, которая оказалась актуальной в его время, но остаётся во многом важной и теперь. Андрееву, полагает Н. Скороход, удалось запечатлеть не фальшиво-ходульную, а настоящую “фигуру русского революционера с идеей в голове и бомбой в кармане” (с. 416). Когда-то, в 1908 году гораздо лучше это определил Корней Чуковский в книжке “Леонид Андреев большой и маленький”: “Он синтез нашей эпохи под сильнейшим увеличительным стеклом”.

Нельзя не отметить того, что в книге, наряду с интересными, есть и явно малоудачные места. Во-первых, бросается в глаза очевидное: на каждой странице делается акцент на алкоголизме Андреева, склонности к богеме, беспорядочных любовных увлечениях – всё это изображается с некоторым даже смакованием. Такой крен виден, что называется, вооружённым глазом, и только определённая грань ума, вкуса, образованности удерживает автора от того, чтобы не скатиться к уровню бульварного романа под заглавием “Тайна Леонида Андреева” – она сама об этом говорит в начале книги. Но, слава Богу, Н. Скороход удалось удержать равновесие в таком довольно трудном балансировании.

Кроме того, ведя речь о нашумевшем рассказе Л. Андреева “Бездна” (1903), вызвавшем целую бурю в печати своим нетрадиционным и непривычным для классической русской литературы сюжетом и содержанием, – недаром в недоброжелательной по отношению к писателю критике Андреев не раз объявлялся “порнографом и садистом”, когда, помимо “Бездны”, разбирались и такие его вещи, как “В тумане” (1902) и “Тьма” (1907), – Н. Скороход высказывает предположение довольно скандального свойства о будто бы некоторой автобиографичности образа студента Немовецкого, уподобившегося пьяным хулиганам и даже превзошедшего их. Это вызвало, признаём, справедливый гнев внучки писателя недавно скончавшейся И. Г. Андреевой-Рыжковой, очень темпераментно высказавшейся по этому поводу в интервью газете “Московский комсомолец”. Да уж, такая дурная “достоевщина” не делает чести автору. Точно так же несостоятельны и смехотворны попытки Н. Скороход придать сложным отношениям Л. Андреева и Максима Горького некоторый противоестественный смысл и подтекст, чем она невольно отдаёт дань современной бульварщине самого дурного тона и тем самым компрометирует память и репутацию обоих писателей.

Мы также не можем согласиться с утверждением Н. Скороход о том, что “художник Андреев в какой-то момент совершенно ступежался под напором публициста Андреева” (с. 339). Скорее всего, как нам кажется, наоборот: Ан-

древ в своей публицистике эпохи войны и революции преимущественно оставался художником, ибо мыслил всё-таки больше именно как художник – это подтверждает изощрённая метафорическая образность его поздних газетных выступлений, правда, довольно велеречивых и многословных. И в своей поздней прозе и драматургии Андреев, вопреки мнению Н. Скороход, достиг вершинной пластичности художественного видения и изображения. Такие ранние статьи и очерки Л. Андреева 1897–1904 годов, печатавшиеся в московской газете “Курьер”, остались почти за пределами внимания автора книги, а между тем это очень большой пласт в литературном наследии писателя, в большинстве случаев представляющий собой образец высокохудожественной публицистики, а не только газетной подёнщины. Тематика же газетных материалов Л. Андреева того времени очень разнообразна в отличие от его, в самом деле, несколько трескучих и монотонных статей последних лет – от премьеры молодого тогда Московского Художественного театра, спектаклей Малого и театра Корша, литературных новинок и писательских юбилеев (например, юбилея П. Д. Боборыкина), выставок передвижников и шедших им на смену “мирискусников”, громких судебных процессов до заметок о жизни уличных проституток, состоянии городских мостовых, канализации и удобствах подмосковных дач. А ведь это всё становилось живым материалом для художественного творчества писателя, в ту пору только разворачивавшегося.

Нельзя не указать и на некоторые фактические ошибки, допущенные в книге и, по всей видимости, не замеченные редактором. Так, Н. Скороход пишет, что роман Л. Андреева “Дневник Сатаны” (1919) был запрещён в советское время, тогда как на самом деле он вошёл в двухтомное издание 1971 года, выпущенное “Художественной литературой” к 100-летию со дня рождения писателя. А далее, говоря о посмертной судьбе Андреева, автор сетует, что “наш покойник”, по её милому выражению, лежит “вдали от главной литературной аллеи, где-то в стороне, в стороне...” (с. 412). Это неправда. Всякий, кто бывал на петербургском Волковом кладбище, помнит, что могила Л. Андреева, перезахороненного на Литераторских мостках в Ленинграде в 1956 году стараниями его сына Вадима Леонидовича, который перевёз прах Андреева с места первого захоронения на Карельском перешейке, находится рядом с М. Е. Салтыковым-Щедринным и совсем невдалеке от могилы И. С. Тургенева. Таким образом, и здесь он занимает вполне достойное место рядом с классиками.

И всё же, в любом случае, очень отрадно сознавать, что биография многострадального художника и человека появилась в классической серии “ЖЗЛ”, основанной некогда в советскую эпоху, в 1933 году, человеком, который называл Л. Андреева своим “единственным другом”, – А. М. Горьким.

И мы убеждены, что её с увлечением прочтут все, кому она попадёт в руки, – и заправские интеллектуалы-литературоведы, и специалисты по истории театра и драматургии, и люди других профессий, читавшие самого Л. Андреева, и молодёжь, в первую очередь, студенческая, о которой так много писал Андреев. И мы ещё раз хотим повторить слова К. И. Чуковского, сказанные им под впечатлением безвременной кончины писателя: “И главное, главное, главное, я уверен, что Андреев жив”. Эти слова дважды приводит в своей книге Н. Скороход.